

Тонкие струйки белого дыма вились под потолком, а на душе у Гу Минтая было тяжело. Он одну за другой затягивался сигаретами, пытаясь заглушить собственные растрепанные нервы.

Но у него ничего не получалось — ведь речь шла о Цинь Жао.

Воспоминания, тянувшиеся по крупицам целых десять лет, за три с лишним тысячи дней уже давно высекли глубокий след на самом дне его разума, превратившись в инстинкт.

Он до сих пор помнил, как впервые встретил Цинь Жао. Это произошло на частной гоночной трассе брата одного из их компании мажоров.

2010 год, конец августа, истощившийся летний зной и раннее дыхание осени.

Осенний верок на севере был сухим и освежающим, особенно по ночам: летняя духота исчезла, и в воздухе то и дело ощущался пробирающий до костей холодок.

Сегодня на треке появилась никому прежде не виданная чисто-черная мотоцикла. Оседлавший ее человек был облачен в кожаный костюм, защитную экипировку и шлем в тон, укутавшись с головы до ног. Все, что удавалось разглядеть посторонним — это затянутые в кожу тонкую талию и длинные ноги.

Погонять здесь на байках могли либо те, кто выкладывал кругленькую сумму за членский взнос, либо те, кто, подобно Гу Минтаю и прочим господчикам, был знаком с хозяином трека.

Гу Минтай не знал, к какой именно категории относился незнакомец, но раз уж тот сумел сюда заявиться, на то определенно были причины. На трассе было пять мест для старта, и новичок занял позицию как раз по соседству с Гу Минтаем.

Опустив визор шлема, Гу Минтай слегка скосил голову и принялся украдкой разглядывать соседа.

Кто он вообще такой — Альфа, Омега или Бета?

Судя по такой фигуре, больше смахивает на Омегу, и если это действительно так, то выглядеть он должен просто сногшибательно.

До сих пор Гу Минтаю еще не доводилось встречать Омег, увлекающихся тяжелыми мотоциклами, а потому невидимое под шлемом лицо пробудило в нем сильнейшее любопытство.

Прозвучал предупредительный свисток, гонщики выжали газ до упора, прильнув к корпусам машин. Под раскатистый приятный ровный рев моторов взметнулся стартовый пистолет, и

байка сорвались с места, словно выпущенные из лука стрелы.

В подобных забавах Гу Минтай неизменно выходил победителем — он был молод, дерзок и ничего на свете не боялся. В повороты он входил круче остальных, и всегда находились те, кто утверждал, будто он не в гонки играет, а в рулетку со смертью.

Безумие было заложено в самом нутре Гу Минтая, он наслаждался ощущением рассекаемого вихря.

Но сегодня он столкнулся с достойным соперником. На первых же виражах Гу Минтай прочно удерживал лидерство, однако за спиной неотступно, словно призрак, следовала чисто-черная тень. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Гу Минтай понял, что это не кто иной, как новичок.

Слегка нахмурившись, он решил оторваться от него на следующем повороте.

Перед входом в вираж обычно принято чуть-чуть сбавлять скорость, так поступил и Гу Минтай. Но в тот самый миг, когда его ход самую малость замедлился, чисто-черный леопард ухватился за эту возможность и стремительно обогнал его.

Гу Минтай невольно вытаращил глаза. Чего это он удумал? Ускоряться прямо на повороте, жить надоело?

Чисто-черный мотоцикл мастерски заложил вираж прямо на глазах у Гу Минтая — зрелище выдалось опасным и будоражащим, и даже выскочив на прямую, гонщик сохранил прежнюю предельную скорость.

Почти превратившись в размытую тень.

Соперник увеличил отрыв, и этот поворот оказался последним в нынешнем заезде.

Гу Минтай так и замер, наблюдая, как чисто-черная мотоцикла пересекает финишную черту, вырвав первое место.

Это был абсолютный рекорд скорости для данного трека и первое поражение в жизни Гу Минтая. Он никогда не относился к числу тех, кто не умеет проигрывать, но ему было тяжело смириться с пропастью между собой и кем-то еще — а потому он злился, но в то же время признавал свое поражение целиком и полностью.

Белый ослепительный свет стадиона очерчивал стальной каркас машин и выхватывал фигуру того человека.

Кожаный костюм отсвечивал в лучах прожекторов холодным, отрешенным блеском. Скинув шлем, Гу Минтай от начала и до конца не сводил глаз с гонщика.

Утирая со лба пот, он наблюдал, как незнакомец вытягивает длинную ногу, упираясь ею в асфальт для равновесия, и тоже снимает шлем.

Окружающий гам в этот момент словно стих. Первое, что заметил Гу Минтай — это изящный белоснежный подбородок, а следом за ним — слегка блеклые губы с розовато-персиковым отливом.

Мягкие темно-каштановые пряди, насквозь пропитанные потом, неровно прилипали к щекам, ярко поблескивая в свете ламп. Самым же прекрасным были глаза. Казалось, краски в его облике были донельзя блеклыми, а длинные ресницы отливали тем же светлым оттенком, что и почти прозрачные, похожие на стекло зрачки.

Гу Минтай мог почти наверняка поклясться, что перед ним Омега — по крайней мере, он так думал до тех пор, пока незнакомец не обнажил полоску затылка с рудиментарной Железой, свойственной исключительно Бетам.

В итоге выяснилось, что тот вовсе не Омега, а Бета. Причем Бета донельзя, до безумия красивый.

Эта бледная красота, затянутая в черное защитное снаряжение, казалась столь священной, будто ангел, прорвавший грозовые тучи и возвестивший о чем-то трубящим гласом.

Гу Минтай отчетливо почувствовал, как этот образ сокрушительным ударом врезался ему в сердце, а пальцы сами собой судорожно вцепились в руль. Этот избалованный мажор, прежде хваставшийся, будто за всю жизнь свяжется лишь с хрупкими и нежными Омегами, в тот самый миг был очарован Цинь Жао до потери рассудка и в мгновение ока забыл про собственные заявления.

Красота Цинь Жао полностью лишила Гу Минтая способности здраво мыслить, и это помрачение рассудка затянулось на добрый десяток лет. В конце концов, даже звонкая пощечина не смогла привести его в чувство окончательно.

Пусть даже будущий Цинь Жао разительно отличался от того первого впечатления — сейчас, в глазах Гу Минтая, он выглядел просто чертовски горячо. Позднее он стал капризным и вечно создавал проблемы. Но благодаря одному лишь тому первому впечатлению избалованный господчик Гу Минтай по-прежнему находил капризы Цинь Жао сладкими в радость.

Цинь Жао поднял руку, стирая скатившуюся к подбородку капельку пота, а Гу Минтай почувствовал, что его тело больше ему не подчиняется. Передав байку сотрудникам и стиснув зубы, он, даже толком не подготовившись и понятия не имея, как зовут незнакомца, совершил

первую в своей жизни попытку навязаться.

Именно так — навязаться. Альфа Гу Минтай, не знающий поражений старший молодой господин семьи Гу, добровольно заговорил с Бетой по имени Цинь Жао, у которого даже феромонов-то не было.

Он впервые за долгое время почувствовал себя нервно:

— Слушай, мне кажется, ты безумно красив, ты прямо мой идеальный тип. Оставишь контакты, пообщаемся?

Выслушав Гу Минтая, Цинь Жао посмотрел на него со скрытым удивлением.

Глядя на Цинь Жао в упор, Гу Минтай ощущал, как эта нереальная красота становится еще более захватывающей дух, словно сошедшая с холста картина оживала прямо на его глазах.

<http://bllate.org/book/27113/3275671>